

АНДРЕЙ КВИНОВ

85-е
отделение
милиции

Андрей Владимирович Кивинов

Обнесенные «ветром»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146292

85-е отделение милиции: Нева; 2004

ISBN 5-7654-3408-8

Аннотация

Они – самые обычные менты, которые работают в стране, где не действуют законы и где может случиться все что угодно. Спасает их только одно – вера в то, что все в конце концов будет хорошо.

Содержание

Пролог	4
Часть 1	11
Глава 1	11
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Кивинов

Обнесенные "ветром"

"Смех сквозь слезы – это тоже смех"

Пролог

Эхо пожарной сирены гулко прокатилось над тайгой. Где-то за соснами встревоженный олень поднял голову и прислушался к незнакомому звуку. Выпустив в морозный воздух струю пара, он быстро умчался в чащу.

Лай напуганных сторожевых собак перекрывал крик дежурного офицера исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

– Багры, багры тащи, урод! Первый отряд из барака – на подъем!

Вокруг, явно не зная, что делать, метались сержанты и рядовые, то и дело натыкаясь в темноте друг на друга.

– Куда ты, кретин? Ты, ты, Проскурин! Давай шланг, воду, воду!

– Товарищ лейтенант, не подойти – краны за котельной!

– А, черт, мать твою!

Офицер, опустив у шапки «уши», согнувшись в три погибели прыгнул в проем между горячей котельной и забором и

проскочил опасный участок. От бушующего неподалеку огня краны отмерзли, и он без труда повернул винт.

Рядовые схватили шланги и направили водяные струи на охваченную пламенем котельную.

– Люди там были? – Лейтенант, вынырнув из проема, подбежал к Проскурину.

– Не знаю, вообще-то, на ночь там зек дежурит, смотрит за давлением, но он, может, выскочил.

– Сбегай, узнай!

– Есть! – гаркнул сержант, бросил шланг и помчался в помещение дежурного.

В ту же секунду из первого барака выскочил заключенный.

– Там Ветров, Ветров там! Он дежурил на котельной, а в бараке нет его.

– Вернись, проверь внимательно.

К котельной уже подтягивались разбуженные офицеры, прапорщики, «обслуга». Прибыл «хозяин» – начальник колонии. Огонь бушевал, грозя переброситься на бараки.

– Пену давай, мудаки, – гремел голос какого-то старшины.

Хозяин подошел к лейтенанту.

– Ройте вокруг канаву, пусть зеки лопаты берут. Почему пожар? Как допустил? Под трибунал пойдешь!

– Михаил Сергеич, все нормально было, не знаю я, чего там такое загорелось.

– Ладно, после поговорим. Иди проверь, все ли на месте,

я слышал, Ветрова нет.

Лейтенант убежал в первый барак.

Через час общими усилиями огонь удалось сбить, и теперь остатки пламени засыпали снегом и заливали водой. К утру, когда с пожаром полностью было покончено, на месте котельной остался лишь почерневший кирпичный остов без крыши, окон, дверей и внутреннего содержимого.

– Разгребай, – раздалась команда, и уставшие заключенные, еле шевелясь, стали разгребать лопатами пепелище.

– Вот он! – раздался вдруг крик одного из зеков, – Ветер! Подбежавшие солдаты разгребли золу, и из-под обломков обгоревших досок показались останки какого-то мужчины.

– Ветров, Колька, первый отряд, – промолвил сержант. – Он сегодня дежурил.

– Точно он, – уверенно подтвердил один из заключенных, хотя от человека, сгоревшего в котельной, почти ничего не осталось.

– Проверку делали? – спросил подошедший хозяин.

– Так точно, все на месте, кроме него.

– Значит, Ветров!

– Да, по росту подходит, да и лепень, вроде, его, – показал на остатки одежды старший отряда.

– Пожар почему случился, узнали?

– Уснул Ветер, наверно, ну и прозевал. Котельная-то деревянная, всю ночь следить надо, чтобы искры никуда не попа-

ли.

– Родственники у него есть?

– Да, мать в Витебске, он сам оттуда.

– Похороните и матери извещение пошлите, – закончил хозяин и пошел с пепелища.

* * *

Колеса поезда отстукивали монотонную мелодию, иногда гремя на стрелках и внося некоторое разнообразие. За замерзшими стеклами мелькал бесконечный лес, тянувшийся вдоль полотна.

– Господа, – по-гусарски обратился один из сидевших в купе мужчин к двум другим пассажирам, – нам ехать до Питера еще добрую неделю, а мои запасы спиртного уже на исходе. Не скинуться ли на бутылочку ресторанный коньячка?

Говорившему было лет сорок, по его морщинистому лицу сразу можно было догадаться, что все-таки предметом его истинного уважения является «горькая». На нем были одеты потрепанный свитер, затертые джинсы, в углу над его местом висели китайский пуховик и брезентовый рюкзак.

– Я пас, Петрович, – ответил второй пассажир – парень лет тридцати. У вас, геологов, может быть, такие дозы в нормалек, но для меня – творческого интеллигента – многовато, знаешь ли. Боюсь, жена не узнает после отпуска, скажет, ты не в санатории был, а в концлагере.

– А мне все равно, – произнес третий, сидевший у окна и пристально изучающий темноту, пассажир. – Но я согласен с Игорем, надо бы пару дней переждать.

– Ну тогда, я на боковую, – сказал Петрович, полез на полку и выключил большой свет.

– Может, в картишки? – спросил Игорь у сидевшего напротив парня, – А то у меня бессонница.

Тот на секунду повернулся к собеседнику, покачал головой и снова уставился в окно.

Парню тоже было лет тридцать, он был плотного телосложения, с короткой, почти под ноль, модной стрижкой и глубоко посаженными темными глазами. На лице, не по возрасту морщинистом, играла грустная улыбка. Пальцы крутили медную цепочку, и мысли пассажира, казалось, были где-то очень далеко.

– Я, Серега, знаешь ли, всегда мучаюсь от безделья в дороге, – продолжал Игорь. – Правда, так далеко меня еще не заносило, все, в основном, Москва, да летом на юга. А тут бесплатная путевка на Байкал, повезло на халяву. Жени на работе достала, уговорила съездить.

Игорь был, вероятно, из тех людей, которым было все равно, слушают ли их, лишь бы не лишали возможности говорить – не важно о чем и не важно где.

– Ты тоже питерский? – продолжал Игорь. Сергей покачал головой.

– Только бывал проездом, а сам – из Белоруссии.

– А я всю жизнь, знаешь, в Питере, на Васькином острове, и родня вся там, одним словом, коренной.

Сергей еще раз посмотрел на попутчика, затем встал, заправил постель и лег. Достал из куртки дешевые сигареты, закурил.

– Геолог уже в отрубке, – не умолкал Игорь. – Ну и работа, мотаешься, как говно в проруби. Да ладно, хоть бы за бугор, а то по снеговщине.

– Давай спать, – сказал Сергей, гася сигарету и накрываясь одеялами, – завтра еще наговоримся.

Утром поезд притормознул на какой-то станции, но скоро снова тронулся и загрохотал на стыках.

Геолог Петрович, проснувшись, спрыгнул с полки, потянулся и громко прокричал:

– Подъем!

– Петрович, тут тебе не казарма, – стащив с головы одеяло, проворчал Игорь. – Чего расшумелся? Вон, Серега еще спит.

Но Сереги на месте не было.

– В сортире, наверно, или в ресторации. Я сам туда собирался. Странно, что он не подождал – втроем веселее. Спустя полчаса Петрович вернулся в купе.

– Нет его нигде. Может, от поезда отстал. Ночью, вроде, остановка была, надо у проводника спросить. Еще час поисков ни к чему не привел.

– А вы вещи-то свои проверяли? – спросил сметливый

проводник. – А то сейчас ворья развелось...

Игорь и Петрович переглянулись и молча принялись рыться в своем багаже.

– У меня, кажется, все цело, – успокоился Петрович – да же деньги.

– У меня, вроде, тоже, – ответил Игорь, но, обыскав карманы пиджака, висевшего на крючке, тут же добавил:

– Черт, паспорт пропал. Деньги лежат, а паспорта нет.

– Да ты проверь, может, засунул куда. Кому он нужен-то?

– В пиджаке был, точно, я перед сном проверял.

– А у попутчика вашего вещички-то были? – ввернул проводник.

– Сумка спортивная, но сейчас ее нет.

– Неужто сошел? Он говорил, что ему тоже до Питера надо, по делам каким-то.

– А зачем же паспорт мой забрал? Теперь по милициям чокнешься ходить, восстанавливать.

– А кто он такой? – спросил проводник.

– Да говорил, что из Белоруссии, специалист по лесоповалу, командировочный, какой-то договор ездил заключать.

– Вольному – воля, – произнес Петрович. – Может, забыл что да вернулся.

Поезд монотонно гремел на стыках.

Часть 1

Глава 1

– Ну ты орел! Это где ж ты так научился? В школе милиции, говоришь? Тогда ничего удивительного. Нет, Андрей Васильевич, глянь, что он понаписал. Протокольчик! Надо в газету отослать, в «Санкт-Петербургскую милицию», в раздел анекдотов.

В кабинете начальника уголовного розыска 85-го отделения милиции Соловца сидели молодой опер Миша Петров, закончивший недавно школу милиции, и инспектор Андрей Васильевич Кивинов. Соловец держал перед собой написанный Мишей протокол и указывал тому на допущенные неточности.

– Что, к примеру, означает эта фраза? «Головная коробка расколота в 1 метре от поребрика». Какая коробка? Головная? А может, черепная? Василич, у тебя головная коробка есть?

Кивинов, отвернувшись, усмехнулся.

Далее: «Внутренности мозга разбросаны по асфальту...» Ты меня, Миша, прости за темноту, но где у человека внутренности мозга, я не знаю. И почему они раскиданы по асфальту? Прохожие, что ли, их ногами пинали? Или вот это,

сопроводиловка. «Направляется труп гражданина Яковлева для дальнейшего вскрытия и установления причин смерти». Замечательно. Ты что, его уже вскрывать начал? Для дальнейшего вскрытия. Печеночки захотелось свеженькой или сам разобраться решил, отчего Яковлев загнулся? И чем, позволь спросить, его вскрывал? Зубами? Не иначе как. Медик ты наш тибетский. А вот это: «Приложение: один труп и протокол осмотра на двух листах». Круто! Хорошо хоть один труп. Не надо здесь никаких приложений. Это вещдоки можно приложить, а покойника уже не приложишь – он и так приложенный!

– Да ладно тебе, Георгич. Что ты прицепился к Мише? Подумаешь, ошибок наделал, сам что ли не ошибался? Бывает, – вступился за Мишу Кивинов.

– Ошибался, но в конце я даже по пьяни не писал: «Протокол мною ознакомлен». Кому ознакомлен? Кем ознакомлен? Запомни на будущее – протокол тобой либо написан, либо прочитан, но не ознакомлен. Это же официальный документ. Его в морге читать будут. А кстати, – вдруг спросил Соловец, – почему его писал ты? Это ж обязанности прокуратуры.

– Да ты чего, Георгич? – снова вступился Кивинов. – Прокуратуры на убийства-то не дожدهшься – следователей нет, а на некриминал они и выезжать не будут. Обычно участковые оформляют. А да, а это что там за Яковлев? Аяврик, что ль, судимый?

– Он самый – из квартиры вывалился. Как всегда пьяный. А ночью, наверно, полетать захотелось, вышел на балкон, табуреточку поставил и вперед. Икар. Мордой так об асфальт шваркнулся, что мозги из ушей повывлетали. Восьмой этаж, как никак. Да и черт с ним. Одним придурком меньше.

– А может, помог кто?

– Да ты что, кому это чмо нужно? Крыша у него потекла от белой горячки. Вот будешь пить столько, тоже улетишь куда-нибудь.

Кивинов опять усмехнулся.

– Я на диете. После свадьбы Дукалеса. Так что не улечу. Так что, отказник? Я про Аяврика.

– Ну а ты что хотел? Миша уже его неделю назад напечатал, вот, на подпись принес. Значит так, Михаил Павлович, ручку в зубы и новый протокол делать с исправленными исправлениями. Тьфу ты, начитался твоих афоризмов – с исправленными недостатками. Вперед шагом марш!

Петров поднялся с дивана, взял материал и вышел из кабинета начальника.

Соловец закурил «Беломор».

– Парень-то, вообще-то, толковый, и главное, с неутраченными иллюзиями, так что работает пока, как в школе милиции рассказывали. Но ничего, оботрется, ты, главное, контролируй его и энергию кипучую в нужную сторону направляй, а то дров наломает. Все, ступай, к проверке министерской готовся. Тридцать человек обещали прислать. Козлы.

Работать и так некому, так еще и не дают. Чувствую, все деньги с оперрасходов на ребяток грохну, иначе накопят дерьма. Узнай, кстати, где тут водка подешевле.

Кивинов вышел и отправился в свой кабинет. Открыв шкаф, он вытащил секретную макулатуру и начал готовиться к проверке. Пописав с полчаса, он откинулся на стуле и закурил подаренный каким-то потерпевшим «Салем».

Прошло полгода с тех пор, как его, ввиду отсутствия состава преступления, выпустили из внутренней тюрьмы, куда он влетел вместе с другим опером, Сашкой Таранкиным, за неосторожное убийство зама отделения. Собственно, это была официальная формулировка, на самом же деле, просто не установили, чья пуля пробила шею убитого, а сажать двоих за одно и то же даже по нашему закону нельзя. Так что оба отделались «неполным служебным», по сравнению с зоной, наказанием просто замечательным. Таранкин, правда, не оценил заботы руководства и ушел из органов в коммерцию, где и процветал ныне, а у Кивинова не было коммерческой жилки, и он остался в милиции. Однако время, проведенное в тюрьме, наложило на него свой отпечаток. Кивинов стал тяжелее на подъем, осторожнее и перестал кидаться сломя голову во всякие авантюры, чего нельзя было сказать о Петрове.

Как трудно упрятать за решетку негодяя, натворившего кучу бед и спокойно разгуливающего на свободе, и как легко запереть провинившегося сотрудника или мелкого воришку!

Неделю назад следователь арестовал девчонку, у которой нашли пять граммов анаши. Формально состав преступления, конечно, есть, но надо ж и голову иметь. Кивинов уговаривал следователя отпустить девчонку на подписку, но в ответ услышал гордое: «Я выполняю свой долг, а мой долг сажать преступников в тюрьму». А часом спустя тот же самый следователь выпустил просто так, даже не на подписку о невыезде, вора, задержанного с фомкой во взломанной квартире, не усмотрев в его действиях криминала. Тот, видишь ли, адрес перепутал. А то, что он трижды судимый, так извините, за это по новой не судят, так что честь труду.

Кивинов уже понемногу привык к таким парадоксам, в отличие от Петрова, который после очередного реверанса следователя прибегал к Соловцу с разведенными руками я справедливо возмущался, мол, на фига мы тут задницу рвем, преступника разыскивая. Да пусть бы гулял, все равно отпустят. Да я больше из кабинета не выйду, говаривал он, буду справки строчить.

Соловец успокаивал Мишу, говоря, что это проблема старая, что следователя раскрываемость не волнует, в отличие от уголовного розыска, поэтому каждое раскрытое преступление одним – как серпом по одному месту другим. Но это не вина следователей – их слишком мало, а преступлений много, и наверняка есть негласное указание сверху гробить дела, чтобы не завалить следственный отдел. Десятки дел в результате просто приостанавливаются по надуманным при-

чинам типа болезни или за розыском подозреваемого, которого сами же и выпускают. «Больные» или разыскиваемые, находясь на свободе, снова «бомбят» преступления, возбуждаются новые уголовные дела, тех снова задерживают, снова порой отпускают и снова через пару месяцев приостанавливают дела. Замкнутый цикл. Сыплются в уголовный розыск поручения следователей: «Найти! Задержать! Доставить! Срочно!» Ну вот, напряглись, нашли, задержали, доставили, срочно. «Ах ты, негодяй, почему по повесткам не приходишь? В тюрьму захотел? Вот здесь распишись и в следующий раз являйся, когда вызывают. Все. Пшел вон!» И на улице задержанный, встречая опера, ухмыляется: «Порядок, начальник, отпустили...»

Опер сплюнет и пойдет с горя водку пить – он на этого жука две недели угробил, в засаде высиживал, и все коту под хвост. Не задерживается и логичный вопрос: «А на фига мне это надо?..»

Одним словом, голова кругом. Кого надо арестовывать отпускают, кого можно отпустить – арестовывают. Как будто дирижер где-то стоит и палочкой указывает – этого сюда, этого туда. А теперь все вместе – раз! Со второй строчки – два! Да и дирижер не из головы мелодию берет, а в ноты смотрит. А ноты – это для него закон. Фальшивить нельзя. А кто ноты сочиняет – композитор. Заказан марш – будет марш, заказан вальс – будет вальс. А заказывает кто? Тот, кто деньги платит. Вот и весь механизм. И нечего голову ломать.

Кивинов посидел минут пять, загасил окурок и вернулся к бумагам. Зазвонил телефон.

– Алло, это из бюро судебно-медицинских экспертиз. С кем я говорю? – раздался приятный женский голос.

– Со мной, Светуля. Неужель мой чудный голосок забыли ваши ушки?

– Андрей, ты что ли? Артист. А где начальник?

– Молодец, Светик, звонишь мне, а спрашиваешь начальника. Будем считать, что начальник я. Слушаю вас очень внимательно.

Кивинов познакомился со Светой лет шесть тому назад при очень романтических обстоятельствах. Будучи курсантом школы милиции, он вместе с другими поехал в морг на вскрытие трупа – без этого не принимали зачет по судебной медицине. По пути он отстал от группы, встретив одного из своих знакомых, и в итоге зашел в морг с центрального входа, где сидели плачущие граждане, тогда как всех остальных провели в прозекторскую со служебного. Покрутившись минут пять среди гробов и не найдя коллег, он без всякой задней мысли подошел к девушке в белом халате и на весь зал спросил: «Простите, а где здесь экскурсии водят?» Сидевшие в трауре люди оторвали глаза от своих платочков, забыв, казалось, про свое горе, и уставились на Кивинова как на Кашпировского. Девушка в халатике, поморгав глазками, запинаясь спросила:

– А куда вы попали, знаете?

– Конечно! В морг. Здесь наших балбесов где-то водить должны на вскрытие.

До девушки наконец дошло, откуда появился Кивинов, она осторожно взяла его под руку и повела к служебному входу. Девушку эту звали Света. Спустя полчаса они уже пили кофе в «лягушатной» и мило беседовали, не обращая ни малейшего внимания на два выпотрошенных тела, лежавших на столах. Кивинов объяснил Свете, что абсолютно не горит желанием смотреть процесс вскрытия, а с зачетом он как-нибудь разберется. После этого Кивинов часто встречался со Светкой, во основном, правда, в морге, куда ездил на опознания, или на местах происшествий, где были какие-нибудь трупы. Отношения с врачом-патологоанатомом у Кивинова были, естественно, замечательные, но не более.

– Андрей, Яковлева вы отправляли?

– Долго жить будет, только сейчас о нем говорили. Вернее, как жить? Тогда в рай попадет. Да, это наш клиент. А что тебя волнует? Там же все ясно. «Летучий голландец». Материал уже отказан.

– Да ты понимаешь, конечно, причина смерти очевидна – падение с высоты, ни одной целой кости. Но меня смущает одна деталь. Он упал лицом вниз, и затылок, по идее, пострадать не мог. А у него на темени гематома, причем свежая, минут за десять до смерти получена, расширяться не успела. Похоже, тупым предметом нанесена. Ваши ее, конечно, не заметили.

– Да брось ты, Светка. Он же пьяница, мог обо что-нибудь шарнуться. Алкоголь в крови нашли?

– Да, есть. Но я вам на всякий случай позвонила, думала, может, чего подозреваете. А раз отказник, то и я в протоколе эту шишку указывать не буду. А то возбудит вам кто-нибудь сдуру глухаря. Ладно, Андрюша, я спешу, извини. Забегай в морг.

– Нет, уж лучше вы к нам. Пока.

Кивинов повесил трубку. Аяврика он знал хорошо, тот сидел за грабеж в баре, полгода назад вышел, но за ум не взялся, а взялся за стакан. Непонятно было, на что он пил, но недавно Кивинов видел его с пачкой денег. «Значит, ворует», – решил инспектор, но фактов не было, и Кивинов к Яковлеву придраться не мог.

То, что Миша шишку не заметил, ничего удивительного – кому охота в волосах копать, когда вместо лица – каша? Кивинов сам один раз не заметил шляпку гвоздя в темени покойника, которого осматривал.

Но то, что Аяврика грохнули, он исключав – не та личность. Хотя и на старуху, как говорится...

Глава 2

Кивинов заглянул в дежурную часть. Дежурный оформлял протокол на пьяницу, помощник читал Чейза. Рядом с ним стоял необычный предмет высотой в полметра, весь покрытый ржавчиной.

– Что это за хреновина? – поинтересовался Кивинов.

– Да снаряд, – не отрываясь от книги, пробормотал помдеж. – Сам, что ли, не видишь, уж два дня стоит.

– И откуда?

– С карьера у пруда. Пацаны нашли. Мы постового поставили, саперов вызвали, но те так и не приехали, а тут дожди пошли. Витьке надоело там мокнуть, ну он его откопал да сюда и перетащил.

– А саперы?

– Так и не приезжают.

– Так, может, он боевой?

– Да шут его знает, но мм ж его не трогаем. Если только кто по пьяни заденет.

Кивинов опасливо осмотрел дежурку, осторожно дошел до дверей и быстро выскочил в коридор.

«Лихие ребята, эти афганцы, – подумал он. – Однако интересно, если рванет, до кабинета достанет?»

Навстречу из своего кабинета вышел Соловец.

– Андрей Васильевич, я на совещание, оставайся за стар-

шего. Ты собирался куда-нибудь?

– Да все равно куда, лишь бы от дежурной части подальше.
А что там за совещание?

– Маразм очередной. Отчитываться надо, как перекрыва-
ем места сбыта похищенного на территории. Да сейчас весь
город – сплошное место сбыта, на всех углах продают. Даже
в Русском музее бананами торгуют.

– Кстати, Георгич, ходят слухи, что кооператоры хранят
бананы в моргах, люди травятся, есть смертельные случаи.
Как ты думаешь, туфта?

– Не знаю. Я тут купил пару, съел, так все ночь покойники
снились. Ну все, я опаздываю.

Кивинов зашел к Петрову. Тот уже откуда-то приволок
молодого паренька и успешно колол его. Паренек всхлипнул,
вытер слезы грязным рукавом и спросил:

– Михаил Павлович, а если я еще вспомню что-нибудь,
меня под подписку отпустят?

– С каждым названным эпизодом шансы на подписку рез-
ко возрастают, – с самым серьезным видом врал Миша.

– За что его? – спросил Кивинов.

– Серьги рвал с девчонок, гаденыш, а теперь вот каяться
не хочет.

– Слушай, джигит, так ты бы вставил себе серьгу в ухо,
сейчас модно, да и рвал сколько влезет. А? Парень всхлип-
нул.

– Миша, посади этого архаровца в камеру, есть дело, по-

можешь.

Петров вывел парня. Кивинов задумался. С моральной точки зрения метод Миши был несколько грубоват, но, с другой стороны, и парень, вроде, не ангел. В общем, сложный вопрос. Когда Петров вернулся, Кивинов спросил:

– Ты у Аяврика в квартире был?

– Конечно, сам и опечатал.

– Есть там что-нибудь интересное?

– Да что там может быть? Хуже, чем в курятнике – вонища да грязь одна.

– Ключ у тебя?

– В дежурку сдал, если из жилконторы не забрали, значит, там лежит.

– Пошли в адрес, посмотрим еще разок.

– Тебе что, делать нечего? Я лучше с грабителем закончу. Да и дождь начинается, брось ты.

– Пойдем, пойдем, не ленись. Кабинет пока от никотина проветрится.

Опера вышли на улицу.

– Андрюха, ты думаешь, его скинули?

– Не знаю, просто хочу квартиру посмотреть. – Зачем?

– Миша, ты вот сейчас парня колол. Зачем?

– Как зачем? Чтобы эпизодов больше не было, палок сразу сколько срубим.

– Меня откровенно радует наша система. Ты недавно работаешь, а слово «палка» уже на первом месте. Это я не в

укор тебе лично. Ведь люди приходят в милицию не для того, чтобы она срубила палку, а чтобы им помогли. Вся жизнь у нас какая-то палочная, и не только в ментовке. Может, мы и живем для палки? Родился, умер – поставьте галочку, мол, был такой-то, кто следующий?

– Слушай, а если окажется, что Яковлева убили, мне что будет? Я же отказник печатал.

– Что, что – выкинут из органов к черту. Да не бойся, шу-чу, и так работать некому. Получишь выговор, это мелочи, у меня уже штук пятнадцать-шестнадцать. А с Яковлевым разберемся, я тоже думаю, он сам упал. Ты с соседями не беседовал?

– Нет, заяв много было. Труп оформил, и все. Может, участковый сходил?

– Не смеди. Ему это надо? Сдох подопечный – меньше возни с проверками. Ну вот, доползли.

Квартира Аяврика была опечатана. Миша сорвал свою печать, открыл дверь. Однокомнатное убожество. Великолепный проект, великолепное содержание. В советской стране не должно быть богатых. Ну-с, поглядим.

Кивинов зашел на кухню – груда бутылок, сгнившее варено, стайка тараканов на косяке. Извините, ребята, за беспокойство, но хозяин вас баловал, ну-ка кыш!

Бутылочек не сдавал, значит, было на что жить. Так, а что у нас на лоджии? Вот скамеечка. Удобно: встал – и прыг. «Как безмерно оно, притяженье земли», кажется, так Лещен-

ко пел. Только зачем тут скамеечка с кухни, когда рядом ящик стоит? Встал бы на него. Ну, а что в комнате? Мебель типично советская – стол и тахта. Все. Прекрасно. Советскому человеку роскошь ни к чему. Соль рассыпана, солонка на полу, как будто случайно. Что ей тут солили, непонятно. Стол, что ли, пустой? Нет, Аяврика пришили не профессионалы, и это радует. Скамеечку подставили – сам, мол, принес, соль рассыпали, чтобы собачка не унюхала лишнего. Дураки. Докуда вас собака в городе приведет? Правильно, до ближайшей остановки, где нагадит и облает прохожих.

Хорошо хоть сдуру письмо предсмертное не оставили, как в книжках: не ищите, мол, виноватого я сам, честное слово! Из-за любви. Да, Аяврик, кому-то ты помешал, а у нас не забалуешь – чуть что, и в окно, без парашюта. Пока долетишь, поймешь – был не прав. Хорошее слово – не прав. Не прав, и все, до свидания.

Кивинов посмотрел в окно. Дождь лил стеной.

– Придется тут ночевать.

– Делать, Андрюха, тебе нечего. Все вымокнем, пока вернемся.

– А я и не спешу.

Так, что дальше? Пораскинем мозгами, как покойный Яковлев. Прихожая. С нее начинать надо, как в учебниках сказано. Курточка типа «Китай – Польша – Турция», рваная чуть-чуть. Кармашки. Это святое дело, там самое интересное. «Беломор» – Георгичу подарю. Зажигалочка «Крикет»

– себе оставим, хиповать. А это что? Бумажка. Ого, круто. Хорошая бумажка. Счет ресторана «Плакучая ива». Это на Стачек, русско-испанский, за валютку. На сколько он покушал? Сто сорок два бакса, однако. Явно не огурцы. Кто ж тебя поил, родной? Хочешь сказать, что сам? Не поверю. Наследство получил от бабушки в Америке? Сомневаюсь, нет у тебя бабки. А собственно, какое ваше дело, товарищ опер, откуда у меня валюта? Я свободный человек, статью 88-ю отменили, так что дело не пришьете.

Да не собираюсь я дело шить, ты же умер, упал. Сам. Вот и лежи в могиле. А счет я заберу, надо же, как культурно. Мучас грасиас, заходите еще. Даже дата стоит. «Миша, когда он выпал? Совпадает. Это после ресторана тебя скинули? Все, нечего тут больше делать.»

– Миша, ставь свою лейбл на дверь и отчаливаем, хотя постой, все равно дождь. Давай по квартирам пройдемся, может, кто что видел. Сейчас вечер, многие дома должны быть, только, Миша, ради Бога, вежливо – сначала ксиву, а уж потом в морду. Тьфу ты, пардон, потом вопросы. Давай, ты вниз, я наверх.

– Лихо. Вверху – один этаж, а внизу семь.

– Хорошо, поровну поделим, пошли. Спустя полчаса коллеги воссоединились на четвертом этаже.

– Ну как там? – спросил Кивинов.

– Есть кое-что. Парень с пятнадцатой квартиры около двенадцати ночи с собакой гулял, видел, как «Волга» белая под-

катила. Аяврик с водителем вышли – ив подъезд. Аяврика он хорошо знает, тот в стельку был. Парень подумал, что его просто кто-то до дома подвез.

– Номер «Волги», конечно не запомнил?

– А на фига ему. Правда, надпись на стекле разглядел – знаешь, модно сейчас под крышей лепить – «феррари», а на капоте две кляксы зеленых. Тачка как раз под фонарем остановилась.

– Да, маловато. Ладно, дождь кончился, пошли.

– Ты, умник, свои умозаключения при себе держи. Тебе что, больше заняться нечем? Сколько у тебя на территории краж квартирных? А грабежей? Вот ими и занимайся. У нас и так завал с тяжкими. А в прокуратуре на глухари взгляд один – мы возбудим, вы раскрывайте. Им проще возбудить глухое убийство, чем потом отписываться, что не доглядели.

– Георгич, это все, конечно, правильно, но я же не предлагаю тебе мои мысли в прокуратуру передавать. А Аяврик, хоть и паразит по жизни был, но все ж жить-то, наверно, хотел. Между прочим, он постукивал мне, но ничего полезного – кто где самогон гонит. Слушай, а может, в убойный отдел позвонить, Борисову, заинтересовать, а?

– Ты совсем заработался. У них с очевидными убийствами завал, а ты хочешь невозбужденное подсунуть. Кончай, я тебе говорю, вон ваучеры кто-то у старух отбирает, говорят, в маске или в чулке. Пропасет у сберкассы и в подъезде сумку рвет. Уже восемь глухарей. Вот и лови бойца этого.

– Я все-таки позвоню.

– А, – махнул рукой Соловец, – делай как хочешь. Кивинов вышел. Соловец, конечно, по-своему прав – его за низкую раскрываемость на каждом совещании долбят. Да и работать некому. Из десяти человек, полагающихся по штату, в 85-м отделении работало четверо – он, Петров, Дукалис да детский опер Волков. И у каждого куча материалов, заявлений и преступлений. Тут не до жиру.

Кивинов заглянул к Дукалису. Тот что-то стучал на машинке, смоля «Беломор».

– Представляешь, – произнес он, увидав Кивинова, – до чего дожили? Приходит ко мне сейчас мадам, симпатичная, двадцать лет, Дукалис заглянул в блокнот, – Юлией звать. Судимая по малолетке за грабеж. Понимаете, говорит скромно так, мне помощь нужна в интимном вопросе, а сама мнет вся. Я ей, мол, всегда готов оказать. Да нет, говорит, я о другом. В общем, я после освобождения и никуда не устроиться. Денег нет, мать больная, надо операцию делать, валюта нужна. У вас связей нет в гостиницах хороших, чтоб меня туда взяли? Я сначала не понял – зачем, спрашиваю. А она: ну что вы такой недогадливый, все за этим. За валюту. Тут, конечно, до меня доперло. А что, сама не можешь? Сейчас контор ваших полно. Вы понимаете, мне же много не надо. Вы не волнуйтесь, за мной не пропадет, я ж судимая, вашу кухню знаю. Информация через меня проходить будет, глядишь, и вам перепадет что.

– Ну, а ты? – спросил Кивинов.

– Что я? Обещал, конечно, пристроить, хотя как, ума не приложу.

– Позвони Бомареву, в «Карелию». Может, подскажет чего.

– Позвоню. Странно, все-таки, проститутка приходит в милицию работу искать. Рассказать – никто не поверит, хотя с нашей жизнью – ничего удивительного.

Кивинов вернулся к себе, набрал номер, спросил Борисова – опера 22-го убойного отдела, курировавшего Кировский район, и в двух словах рассказал историю про Аяврика.

Как и предполагал Соловец, ответ был однозначным – «кончай мурой заниматься». В районе уже 183 убийства, не хватает еще с самоубийством возиться. Лучше ОПД свои проверь, чтоб справок побольше было – скоро комиссия нагрянет.

Кивинов вздохнул и положил трубку. А может, правда, справки писать? И не лезть никуда. Все равно никому ничего не надо. Аяврику, по крайней мере, точно.

В кабинет постучались.

– Войдите, – отозвался Кивинов.

На пороге возникла уникальная в своем роде личность Анатолий Сергеевич Крылов, выражаясь протокольным языком, лицо без определенного места жительства и занятий. Год назад Толя – мужик сорока с небольшим лет – выйдя из мест лишения свободы, где пребывал два года за хулиган-

ство, понял, что с пропиской в городе Питере у него пролет, ввиду отсутствия жилплощади и родственников. Поэтому он, не долго думая, пришел в 85-е отделение и предложил свои услуги в качестве внештатного сотрудника в обмен на возможность гулять по городу и не быть задержанным за нарушение паспортного режима. В то время в уголовном кодексе еще имелась такая статья.

В отделении Толя нарвался на Кивинова, который, выслушав бомжа, предложил ему более подходящий вариант – помочь с поселением в общежитии и устройством на работу. Толя отреагировал на предложение бурным отказом, заявив, что на советскую власть спину гнуть не собирается. Кивинов тут же понял, что Толя по натуре просто лентяй. Как впоследствии выяснилось, он еще был лентяем, любящим выпить.

Короче говоря, Кивинов расстался с Крыловым по-деловому и условился, что Толя будет в силу своего положения заниматься сбором полезной для милиции информации, а Кивинов в долгу не останется – станет помогать тому бороться за свое существование в демократическом обществе. Постепенно отношения Кивинова с бывшим подсудимым перешли на полуприяТЕЛЬСКИЕ рельсы. Толя нередко посещал отделение, а иногда и оставался ночевать в кабинете опера, на его диване, особенно, в холодную погоду. Все свободное время он проводил среди бомжей и нищих на вокзалах, возле церкви и часовен.

Воровством он не занимался, но как-то раз Кивинов видел его у Владимирского собора с протянутой рукой и с костылем под мышкой. Толя очень натурально изображал нищего инвалида, благо внешний облик его был весьма под стать. Несмотря на свои сорок лет, выглядел он на все шестьдесят, всегда загорелый и небритый, но зато с прической уголовника, в старых кивиновских вещах или шмотках, которые Толя собственноручно отрыл на помойках. Ночевал он, где находил место, – на тех же вокзалах, в церквях или просто на чердаках. Кивинов помогал ему деньгами и продуктами, хотя денежная помощь шла в основном на спиртное. Иногда Толя чуть ли не ежедневно посещал отделение, но иногда пропадал по несколько месяцев, из чего Кивинов заключал, что он нашел денежную жилу или временное жилье, но в конце концов тот вновь появлялся в милиции.

Находясь в гуще жизни питерского дна, он порой оказывал уголовному розыску неоценимые услуги. Пару месяцев назад он помог выловить большую группу торговцев анашой, а один раз даже раскрыл убийство.

– Здорово, начальник! – Крылов зашел в кабинет и упал на диван. На Кивинова пахло подвальным запахом, перемешанным с потом и пивным перегаром.

– Здорово, Анатоль, раб божий, ты из какой гостиницы?

– Лавка № 7, второй этаж Московского вокзала. Только не повезло сегодня. Менты в двенадцать ночи всех без билетов выгнали, ночевал на батарее в подвале, все бока отлежал и

ни фи́га не выспался. Пусти на диванчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.